
БУДДИЙСКИЕ КОННОТАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ГАЗДАНОВА

Г.А. Сорокина

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
Садовая-Кудринская ул., д. 9. Москва, Россия, 123001

В статье анализируется восприятие и интерпретация буддийских идей и образов в произведениях Г. Газданова — одного из наиболее известных писателей молодого поколения русского зарубежья. Основная черта газдановской прозы состоит в том, что буддийские идеи и образы в его произведениях рассматриваются в контексте западной культуры XX в. Газданов обращается к таким буддийским концептуальным понятиям, как Я, реинкарнация, карма, иллюзорность мира и др. Эти понятия представлены у него во множестве интерпретаций. Автор данной статьи рассматривает буддийские коннотации произведений Газданова в контексте его биографии и подчеркивает, что его буддийские идеи и образы носят прежде всего философский, а не религиозный характер. В России произведения Газданова стали широко известны только в 1990-е гг.

Ключевые слова: Газданов, эмиграция, литература русского зарубежья, буддизм, интерпретация

Георгий (Гайто) Иванович Газданов (1903—1971) родился в Санкт-Петербурге в осетинской по крови, но русской по языку, культуре и образованию семье. В 1918 году он, ученик седьмого класса гимназии, оказался у родственников на Кавказе. Под влиянием событий гражданской войны вступил в белую гвардию, выразив тем самым свое отношение к происходившему в России. В ноябре 1920 г. он отправился в эмиграцию, пройдя через ад Галлиполи, трудную жизнь в Константинополе, оказавшись в болгарском городе Шумен, он окончил там русскую гимназию. В Париж приехал зимой 1923 г. в возрасте двадцати лет.

В Париже Газданов постепенно включился в интеллектуальную и литературную жизнь русской эмиграции. Он начал печататься в журнале «Воля России», участвовал в литературном объединении «Кочевье», альманахе «Числа» и других журналах. Он входил в круг представителей «русского Монпарнаса», объединявшего писателей, поэтов, художников молодого поколения русской эмиграции.

Объектом нашего исследования стали те произведения Газданова, в которых писатель обратился к идеям буддизма. Целью данной работы является рассмотрение особенностей газдановской интерпретации буддийских идей, образов и символов. Все, кто погружался в атмосферу произведений Газданова, отмечают, что его проза глубоко автобиографична. Это обстоятельство позволяет нам обратиться к анализу его произведений в поисках тех фактов, которые помогут нам понять ту мировоззренческую, философскую основу творчества писателя, в рамках которого нашли свое место идеи буддизма. Изучение его творчества показывает, что в явном или скрытом виде буддийские идеи присутствуют в различных произведениях автора, а интерес писателя к определенным сторонам буддийского учения неслучаен.

Многие, знавшие писателя, подчеркивали его особое внеконфессиональное положение на протяжении всей жизни. В романе-воспоминании «Вечер у Клэр» Газданов писал: «...мое неприязненное отношение к религии... еще более утвердилось» [5. С. 42]. Вот как он вспоминает о своем разговоре с преподавателем гимназии. На вопрос учителя, есть ли среди присутствующих атеисты, не желающие присутствовать на уроках закона Божьего, он встал и вышел из класса, открыто заявив, что в Бога не верит. Но этот же преподаватель сказал Газданову, что, несмотря на неверие, он (Газданов) хоть немного религией интересуется [5. С. 84]. Этот интерес к религиям является ключевым в подходе к анализу духовных, религиозных, философских взглядов писателя, для которых характерно наличие особой универсалистской религиозной, или скорее надрелигиозной основы. Формирование такого взгляда началось, по-видимому, еще в ранней юности, когда в возрасте тринадцати лет Газданов обратился к чтению произведений таких философов, как Спиноза, Вольтер, Юм, Шопенгауэр, Кант, Фейербах, Ницше, Конт, Гийо (Гюйо), Беме и др.

Однако существует еще более ранний пласт жизненных впечатлений Газданова. Потомок и наследник древнего осетинского рода Газданов проводил летние каникулы в доме своего деда в Осетии. Эта включенность в сферу осетинской культуры, ее традиций, обычаев и ритуалов оказала огромное влияние на его личность. Особенностью духовной жизни Осетии было то, что православие здесь стало государственной религией еще в начале X в., но наряду с ним существовало и мусульманство. Однако основой духовной жизни осетинского народа всегда оставалась сохраненная, дошедшая из глубин веков исконная арийская вера и поклонение Единому Богу, сотворившему мир. Об этом пишет осетинский исследователь творчества Газданова Р.С. Бзаров: «...Имея строгий обрядовый канон, осетинская религия всегда обходилась без церковной иерархии... Осетинская религиозность чужда всякого посредничества, экзальтации и формализма в отношении человека к Богу. Из этого происходит народное восприятие любой церковной иерархии и священства — снисходительно-ироничное, отчужденно-уважительное, но никогда не оппозиционное — не принимают всерьез, не видят необходимости. Нужно ли напоминать, что этот взгляд воспроизведен Газдановым» [2. С. 195].

Интерес Газданова к истории, философии и другим областям гуманитарных знаний определил его поступление в Сорбонну. А в 1932 г. произошло событие, ставшее важной вехой в жизни писателя, — он был принят в Парижскую Русскую масонскую ложу «Северная звезда», а также в ложу «Северные братья», в деятельности которых принимал активное участие до конца жизни и достиг там высокого уровня посвящения. В масонскую ложу Газданов вступил под влиянием своего друга М. Осоргина, виднейшего деятеля русского парижского масонства. Вместе с Газдановым тот пригласил в ложу группу молодых талантливых эмигрантов. На этой основе была создана молодежная группа «Северные братья», имевшая широкую программу философского эзотерического образования.

Один из авторитетнейших исследователей творчества Газданова, его биограф, американский славист Л. Диенеш отмечал, что писатель всегда был одиночкой и нонконформистом, испытывал неприязнь ко всем политическим партиям и об-

шественным объединениям. Однако его вступление в ложи было связано прежде всего с мировоззренческим универсализмом масонства, веротерпимостью, широтой взглядов, открытостью для поиска духовной истины, стремлением к совершенству, к познанию природы вещей. «Газданов, не веривший в возможность окончательных ответов, был агностиком, но его вера в смысл поисков сделала его, в некотором смысле, гностиком. Он не был верующим, но у него была своя “религия”. Говоря, что “только полный идиот может не верить в Бога”, он, тем не менее, до конца своих дней оставался равнодушен к организованной религии. Он был деистом или, скорее, теистом; похоже, что он не был христианином, по крайней мере, в том смысле, в котором это понятие ограничивает личный духовный опыт: он был не только христианином. Он называет буддизм «соблазнительной религией» (возможно под влиянием одного из своих лучших друзей, самобытного русского поэта А. Гингера, прихожанина буддистского храма в Париже) и даже рассуждает на тему случайности обращения России в христианство, поскольку духовно россияне более склонны к буддизму» [8. С. 567].

Можно вполне обоснованно полагать, что буддизм привлекал Газданова прежде всего открытостью, отсутствием жесткого догматизма, толерантностью, обращенностью к проблемам внутреннего мира человека, тем, что буддизм отрицает идею бога-творца и субстанциональной души, что позволяет называть это учение религией без бога, ведь буддизм считается скорее религией сознания.

Религиозное свободомыслие Газданова известно. Будучи агностиком, что во многом соответствует общему масонскому взгляду на мир, он неоднократно выражал свою позицию по этой проблеме, что, в частности, подтверждает и его высказывание о взаимоотношениях литературы и религии: «Ни один из настоящих крупных писателей не стал бы писать романа, цель которого было бы доказать, что необходимо исповедовать ту или иную религию... Это было бы переходом из высшего плана в низший. Речь о религии или религиозные трактаты — это дело проповедников, а не писателей» [7. С. 238—239].

Среди обстоятельств, определивших интерес Газданова к буддизму, следует, по-видимому, отметить и влияние Л. Толстого, преклонение перед творчеством которого писатель сохранил до конца жизни. Известно, что «буддийский пласт» занимал большое место в системе взглядов Толстого и нашел отражение в его произведениях.

Встреча с Фаиной Ламзаки, будущей женой писателя, стала также сильным импульсом, определившим творческое увлечение Газданова темой Востока. Фаина Ламзаки, тоже эмигрантка из России, попала во Францию через Индию, где прожила со своей семьей несколько лет. Ее рассказы об Индии, восточных впечатлениях неожиданным образом воплотились в одном из лучших рассказов Газданова «Бомбей» (1938), посвященном путешествию русского эмигранта в Индию.

Действие рассказа начинается в кафе на Монпарнасе, где русский эмигрант знакомится с англичанином и по его приглашению в качестве гостя на корабле отплывает в Бомбей. Но не описание Востока находится в центре внимания писателя. Восток, Бомбей — это только место действия, Газданов повествует, прежде всего, о жизни европейцев в Бомбее. Перед нами протекает внешне благополучная, основанная на английских традициях, на самом деле полная одиночества и

скрытого страдания, жизнь хозяина и его друзей, Показана и нищенская, порой трагичная, но полная достоинства, жизнь русских эмигрантов, которых судьба забросила в Бомбей.

Изображение города Бомбея носит довольно поверхностный характер, в его описание постоянно вклиниваются мысли, факты, наблюдения, истории, связанные с эмигрантами из России. А Бомбей индийский остался для главного героя terra incognita: «...неизвестна для меня была — и осталась — жизнь местного населения, о которой я так ничего и не узнал просто потому, что за все время моего пребывания в Бомбее мне не пришлось с ним сталкиваться» [5. С. 499]. И только в свою последнюю поездку по городу герой погрузился в мир туземных кварталов, «где люди жили в беспросветной и зловонной нищете и куда я несколько раз с отчаянием и ужасом все же поехал на автомобиле, чтобы увидеть своими глазами этот почти дантовский и смрадный мир — мир моих далеких братьев» [4. С. 521].

Восток в рассказе предстает не в ореоле мистики и эзотерики, а в беспощадном свете жестокой реальности. Важно, пожалуй, то, что весь гуманистический пафос своего рассказа, обращенный к единству мира, Газданов выразил в духе этой основополагающей идеи восточных религиозно-философских учений.

Это единство проявляется в рассказе и во всеобщности страдания. Идея страдания пронизывает весь сюжет произведения. Это состояние присуще каждому из персонажей Газданова, включая и самого рассказчика. В буддизме страдание является одним из основополагающих понятий, и первая проповедь Будды посвящена четырем благородным истинам: о сути страдания, его причинах, о возможности и пути избавления от страданий. Сюжет рассказа разворачивается в контексте первой благородной истины Будды, утверждающей имманентность страдания бытию.

Самобытную философию, в рамках которой воплотились авторские размышления, его субъективные представления о некоторых аспектах буддийского учения сформировали в том числе многие факты и события в жизни самого Газданова. Особенностью мировоззрения писателя было то, что «он был, судя по всему, органически способен к дыханию в любой культурной атмосфере — рационалистической западной и мистической восточной. Он, наконец, принадлежал к поколению, которое, чтобы укорениться в мире, искало собственных эстетических, этических и религиозных основ бытия. Ее представители одинаково спокойно и свободно смотрели, как на Восток, так и на Запад» [11. С. 17].

Ряд произведений Гайто Газданова вызывает большой интерес в контексте изучения широкой философско-культурологической и литературоведческой проблематики, связанной с влиянием идей буддизма на художественное творчество представителей западной интеллигенции. Идеи буддизма в интерпретации Газданова представлены прежде всего в романе «Возвращение Будды» (1949—1950), хотя сходные мысли мы находим и в других его произведениях. Но именно в этом романе автор четко обозначил буддийскую символику и тем самым определил буддийскую трактовку сюжетных линий, судеб героев, их внутреннего мира. Само название романа «Возвращение Будды» понимается неоднозначно. С одной стороны, в рамках детективного сюжета речь идет о возвращении похищенной зо-

лотой фигурки Будды. Вместе с тем, используя этот символ, автор развертывает действие романа и включает в него различные буддийские идеи, модели, интерпретации.

Уже первые слова романа «Я умер...» и последующее развитие событий в жизни главного героя следует воспринимать с позиций буддизма: символическая смерть, а затем новое, подлинное воплощение его в результате тяжелых духовных и физических испытаний, можно уподобить трудному духовному ученическому пути адепта-буддиста. На протяжении всего романа Газданов, не используя буддийской терминологии, размышляет, по сути дела, об одном из важнейших положений буддизма, связанном с пониманием Я. У Газданова мы читаем: «...в чем причинный смысл того меняющегося соединения различных элементов, нелепая совокупность которых теоретически составляла меня, дав мне имя, фамилию, национальность... Я чувствовал теперь во всех обстоятельствах необыкновенную призрачность моей собственной жизни... Мир состоял для меня из вещей и ощущений... словно в огромном и хаотическом сочетании самых разнообразных вещей я почти ошупью искал тот путь, которым некогда прошел» [5. С. 490]. И далее он неоднократно возвращается к описанию этих состояний героя: «...то, в чем проходило мое существование... в нем не было ничего постоянного, вещи и понятия, его составляющие, могли менять форму и содержание, как непостижимые превращения бесконечного сна» [5. С. 493]. Писатель находит точные выразительные средства для развития волнующей его идеи — что есть человеческая личность: «...безмолвный поток мыслей, образов, слов, в невероятном смещении времен и понятий — Павел Александрович Щербаков, Лида и вся ее жизнь, Будда, святой Иероним, откровение Иоанна... и случайный физический облик человека... та хрупкая материальная оболочка, в которой воплощена часть этой таинственной совокупности движений» [5. С. 571]. Философский и художественный анализ личности у Газданова может быть сравним с буддийским пониманием Я. Буддизм отрицает существование индивидуального Я, или души, и рассматривает личность как имя, обозначение структурно упорядоченного соединения групп элементов.

Эти группы (скандхи) также не являются субстанциями, они лишь совокупность так называемых дхарм — элементарных единиц психофизического опыта. Дхармы воспринимаются как мгновенные импульсы, вспышки и, таким образом, личность превращается в поток причинно-обусловленных элементарных психофизических состояний. С этим связано представление об иллюзорности бытия, так как сознание проецирует собственные ментальные конструкции, принимаемые им за истинную реальность. Это как раз и происходит с главным героем. Он постоянно погружается в разнообразные существования в разных географических пространствах и исторических временах, которые приносят ему реальные ощущения страдания и счастья. Это чувство иллюзорности пронизывает многие рассказы и романы Газданова, например, в «Возвращении Будды» Щербаков произносит: «Нет ничего более неверного, чем внешний аспект вещей» [5. С. 500].

Газданов также обращается к проблеме причинно-следственных связей, определяющих жизнь и неожиданные повороты в судьбах его героев. Механизм действия причин и следствий в восточных учениях, в том числе и в буддизме, назы-

вается, как известно, кармой. Размышления о причинно-следственных связях мы находим в романах «Призрак Александра Вольфа» и «Возвращение Будды». Так, в «Возвращении Будды» Газданов пишет: «...я спрашивал себя, что же именно предшествовало чему — причины чувствам или чувство причинам» [1. С. 496]. Героя романа гнетет вопрос, что вызывает из небытия людей, а его собственное существование представляется ему совокупностью абсурдных и случайных условий. Точно так же он задает себе вопрос: как, какие силы произвели такие разительные перемены в судьбе Щербакова — от крайней нищеты до благополучия и богатства? Не оставляет его мысль и о том, как и почему встреча с Щербаковым произвела кардинальные перемены в его собственной жизни и дала ей новое направление. Газданов отвечает на этот вопрос: причиной того, что главный герой получает наследство после смерти Щербакова, является его бескорыстный поступок, когда он сам, находясь на грани нищеты, сделал щедрое подаяние Щербакову, оказавшемуся в тот период на дне общества. Таким образом, это подаяние полностью изменило судьбу как Щербакова, так и впоследствии героя романа. При этом следует вспомнить, что в буддизме бескорыстное и щедрое даяние (дана) рассматривается как одно из совершенств, к которому следует стремиться. Герой Газданова совершает это даяние в силу глубокого естественного внутреннего императива, что и является свидетельством обретения им этого качества.

Вместе с тем главный герой приходит к выводу об изначальной (кармической?) обреченности других героев — Амара, Лиды, Зины. Газданов далек в своих оценках от западной модели рока, судьбы. Механизм причинно-следственных связей как закономерный результат развития событий выступает у него на первый план, автор соединяет привычную обличительную социальную модель с элементами буддийского учения.

Размышления о буддизме, нирване в романе «Возвращение Будды» высвечивают и такой интересный аспект в жизни главного персонажа, как его сверхъестественное спонтанное внутреннее видение, которое он сам вначале воспринимает как вид сумасшествия. Именно этот неконтролируемый прорыв сознания в иные измерения дает ему возможность увидеть себя в разных воплощениях и даже предвидеть события. Известно, что в буддизме разработаны практики, направленные на изменение сознания и достижение так называемых паранормальных состояний, и Газданов неоднократно разрабатывает эту идею (например, в рассказе «Воспоминание»). Впоследствии спонтанная медитация на золотую скульптуру Будды позволила главному герою преодолеть болезненные, зависимые состояния, сродни сумасшествию, и обрести чувство свободы — «впервые за все время я был обязан победе над этим призрачным миром не внешнему толчку и не случайности пробуждения, а усилию собственной воли» [5. С. 637]. Благодаря этим усилиям воли, твердости, решимости и самоконтролю герой смог достичь своеобразного очищения сознания, преодолев неконтролируемое внутреннее видение (что, возможно, и было для него главным испытанием), и перешел в иное состояние, определившее возможность дальнейшего возрождения к новой жизни. При этом отметим, что в буддизме адепту особенно рекомендуется медитировать на образ золотого Будды.

Подобным образом в буддийской практике при медитации на образ Будды адепт постигает иллюзорность бытия и мышления, успокаивает волнение дхарм и может достичь просветления и освобождения. В этой части романа Газданову удалось очень тонко понять и передать суть буддийской медитации.

Завершающие слова романа не предполагают однозначной трактовки. Скорее важно то, что герой благодаря «возвращению Будды» переходит на другой, более высокий уровень осознания действительности и это открывает ему новое пространство бытия со всеми его новыми, неизвестными величинами, которые еще только предстоит понять: «В числе множества одинаково произвольных предположений о том, что значило для меня путешествие и возвращение Будды и каков был подлинный смысл моей личной судьбы в эти последние годы моей жизни, следовало, может быть, допустить и то, что это было томительное ожидание этого далекого морского парохода, — ожидание, значение которого я не умел понять до последней минуты» [5. С. 638].

Описывая смятенное состояние своего героя, Газданов, знакомый с буддийскими представлениями о сознании, в начале романа показывает его спутанное, алогичное состояние ума, несобранность сознания. Буддийский же духовный путь предполагает преодоление этого и достижение состояния контролируемого сознания. Именно это и происходит с героем романа: к нему «возвращается Будда», так как он ценой огромных внутренних усилий смог раскрыть свой внутренний потенциал. В этом и состоит второй, глубинный, философский, оптимистический смысл романа «Возвращение Будды».

Идеи буддизма в этом романе носят концептуальный характер и наполнены оптимистичным смыслом. И мы хотели бы выразить несогласие с тем, что некоторые исследователи творчества Газданова пишут о «преодолении буддизма» главным героем романа [1. С. 195; 10. С. 23, 25]. Но само название произведения говорит не об отказе от идеи буддизма, а напротив, о приближении к ней. Ведь и своеобразные авторские «буддийские» маркеры на протяжении всего романа, основанные на реальном знании буддийской доктрины, не дают оснований утверждать, что герой «преодолевает буддизм в себе».

Символика неканонического изображения золотого Будды (статуэтка напоминает герою святого Иеронима с гравюры неизвестного художника в Лувре) в романе также имеет свой смысл. Хотя главный герой, как и Щербаков, не буддист, он хорошо понимает суть буддизма, его привлекают идеи и ценности этого учения, иными словами, буддизм он воспринимает также неканонически. Далее судьба этих героев протекает под знаком буддийских идей, но также не в их строгом, каноническом понимании, а скорее в том универсалистском смысле, который присущ буддизму как философскому учению. Это, по-видимому, и было созвучно философским взглядам самого Газданова. Именно в контексте буддийского учения следует рассматривать и закономерность смерти Щербакова — человека, проникшегося идеями буддизма, обладающего глубоким пониманием жизни, но исчерпавшего себя, свой жизненный потенциал и осознающего эту исчерпанность.

Столь же закономерна и трансформация личности главного героя, не только совершившего этически правильные и должные поступки, которые согласно буд-

дийскому учению свидетельствуют о высоком духовном статусе его личности, но и сумевшего через медитативное состояние постичь суть событий и явлений своей жизни и гармонизировать их. Золотой Будда как бы покровительствует герою и способствует его «невозвращению» в прежнее болезненное состояние.

Необоснованное обвинение в преступлении стало для газдановского героя сильнейшим импульсом для внутренней концентрации, что ранее отсутствовало в его жизни, и, возможно, приводило его к неуправляемым, неконтролируемым, горячечным и сумбурным состояниям. Новому осмыслению в результате духовных усилий героя подвергается реальность — мир вокруг остается прежним, но умозрение главного персонажа романа кардинально меняется.

Важно понять связь романа Газданова с общим настроением эмигрантской литературы. В связи с этим приведем высказывание В. Варшавского, автора книги «Незамеченное поколение», посвященной жизни русского зарубежья, — оно касается специфики героя этой литературы: «Герой эмигрантской литературы отворачивается от мира, где ему не оказалось ни места, ни дела, и тогда его сознание тонет в разливе живых, причудливо изменчивых снов, музыки, мечтаний...» [3. С. 168—169]. Особенности характера этого героя коренятся в условиях самой жизни эмигрантских писателей. «Ослабление внимания к жизни возмещается у многих младших эмигрантских писателей развитием дара лирического визионерства. В высшей степени обладал этим даром Г. Газданов» [3. С. 168]. Этот дар писателя в полной мере реализовался в романе «Возвращение Будды». Интересно и высказывание писателя-эмигранта Л. Ржевского: «Тема “видимого” и “сущего”, действительного и воображаемого... довольно частая в прозе Г. Газданова, для меня всегда — уж вовсе и не творчески — перекликалась с жизненным обликом его самого» [12. С. 315].

В буддизме Газданов черпал многие идеи для своих произведений. Философские положения буддийского учения давали импульс для развития сюжетных линий и образов героев.

Понимание того, что философия Востока оказала большое влияние на Газданова, мы находим в работе Ласло Диенеша: «Многие из персонажей Газданова мечтают о “красивой жизни”, в которой индивид живет в гармонии со своей дхармой (следует понимать как основной моральный закон — Г.С.) (если пользоваться индуистским (и буддийским — Г.С.) термином, выражающим данную мысль лучше, чем любое другое известное нам слово из западных языков), в которой собственное существование, как внутреннее, психологическое, так и внешнее, социальное, находились бы в полном соответствии с естественными желаниями и возможностями» [8. С. 212—213]. И далее Диенеш продолжает: «Многие из персонажей Газданова живут несколько жизней, одновременно или последовательно, и обременены тем, что они называют «многосторонностью жизни», то есть состоянием, в котором находится индивид до того, как обретает себя» [8. С. 213] — добавим: как и герой романа «Возвращение Будды».

В этом романе буддийский дискурс является основополагающим. Это прослеживается в создании всей психологической атмосферы произведения. На основе буддийских идей Газданов создает собственные, авторские приемы характеристики персонажей. Иными словами, истоки психологизма романа следует

искать именно в идеях буддизма, которые здесь представлены в доступной форме, не отягощенной специальной буддийской терминологией. Важно то, что автор при этом верно передает суть буддийских идей. Это свидетельствует о серьезной проработке писателем различных сторон буддийского учения. Такой скрупулезный подход к его изучению, а также мировой философии, различных эзотерических учений был характерен для Газданова, о чем можно судить по отзывам на его интересные, оригинальные выступления и доклады в масонской ложе.

Обобщая «буддийский» материал романа, отметим прежде всего образ Будды, который здесь вызывает несомненные художественные ассоциации с уже широко известными в то время на Западе изображениями «Золотого Будды», присутствующими в различных буддийских храмах и храмовых комплексах. У Газданова Будда — это некая символическая высшая сила. Вместе с тем это и конкретный материальный предмет, существующий в реальной жизни его героев и воплощающий, по замыслу писателя, верховный моральный закон, который проявляется через действие социального механизма. В сюжетной линии философский образ Будды психологически связывает все события и всех действующих лиц романа, возвышая их над обыденностью.

Обращает на себя внимание тот факт, что при почти полном отсутствии специфической буддийской терминологии в романе отражен ряд важнейших буддийских идей и понятий, а именно: идея нирваны, кармического закона, идея иллюзорности представления о человеческом Я. Большое место отводится также художественному изображению медитации, играющей особую роль в жизни героя. Отметим при этом, что упомянутые буддийские идеи, понятия и термины ко времени публикации романа «Возвращение Будды» были уже достаточно известны на Западе, что в значительной степени определило успех и понимание романа в западном обществе.

Общественность послевоенной Европы волновали сложные экзистенциальные проблемы, столь важные и для Газданова: «Случай, судьба, ограниченность чувственного опыта, самопознание, метаморфозы личности, искусство и реальность, многообразие жизни, смерть, экзистенциальный («арзамасский») ужас, поступающий на стадии пострационального познания» [8. С. 176]. Эти проблемы он решает, часто обращаясь к идеям Востока, в том числе и буддизма. Литературная критика того времени неоднократно подчеркивала этот аспект творчества писателя.

В буддийском ключе Газданов разрабатывает проблему человеческого Я и в рассказе «Княжна Мэри» (1953). Тонкое изображение таинственного и неоднозначного внутреннего мира человека, зыбкости, иллюзорности границ между различными состояниями человека, определяющими, по сути дела и разные формы его существования, стали предметом газдановского художественного анализа в этом рассказе. Автору удалось воплотить эту идею через призму жизни, казалось бы, обыкновенного человека — русского эмигранта, жившего в Париже.

Сюжет строится на наблюдениях рассказчика (сам он тоже эмигрант из России) за посетителями кафе, среди которых был русский эмигрант. В руки рас-

сказчика попадают его журнальные публикации и некая рукопись романа. Его заметки для женского журнала, подписанные псевдонимом «Княжна Мэри», были посвящены красивой светской жизни, содержали советы женщинам, как выглядеть элегантно и достойно в высшем обществе на великосветских приемах. При этом сам автор не имел ни малейшей возможности попасть в это общество — он жил в ужасающей нищете. Узнав о его смерти, рассказчик размышляет: «...я ощутил... всю призрачность этой человеческой жизни... Все, что казалось чем-то печально неопровержимым и непоправимым в существовании этого человека, все это неважные, в конце концов, подробности... Потому что, когда этот человек оставался один, в том мире, который был для него единственной реальностью, с ним происходило чудесное и торжественное превращение. Все приходило в движение: смещались мускулы, сбегались линии, звучали стихи и мелодии...» [б. С. 508]. И, казалось, сейчас, после смерти, если бы у него «хватило сил на последнее творческое усилие, то на серой простыне больничной койки, вместо оконченного трупа старого нищего, лежало бы юное тело княжны Мэри — во всем своем торжестве над невозможностью, временем и смертью» [б. С. 508].

В этом рассказе Газданов также, как в романе «Возвращение Будды», исследует проблему человеческого Я, его границы и формы проявления, показывая всем ходом изложения принципиальную невозможность ответа с позиций обыденных представлений на главный вопрос человеческого бытия: что такое Я, ведь он размышляет об этом в контексте буддийского учения. Согласно этому учению человеческое Я складывается из множества элементов, а потому оно не постоянно, неопределенно, изменчиво в каждой момент своего существования.

Именно этим вопросом задается и читатель: кто он, этот русский эмигрант, — плохой писатель (судя по рукописи романа), известный талантливый русский писатель, существующий в восприятии французской подруги эмигранта, или та блестящая, тонкая, изысканная Княжна Мэри, оставшаяся только в публикациях дамского журнала, ведь она продолжала жить в восприятии многочисленных читательниц журнала, писавших ей письма и после смерти автора.

Где границы этого многосоставного Я? Где его настоящее Я? И как связаны эти проявления Я между собой? На все эти вопросы Газданов хотя и не дает прямого ответа, но в художественной форме, в духе буддийского учения, отвечает на них отрицательно: Я главного героя не существует, так как оно непостоянно, неуловимо, призрачно. Ощущение призрачности, некой иррациональности происходящего Газданов усиливает описанием зыбкого, словно бы нереального, городского пейзажа в тот вечер, когда рассказчик встречает старого эмигранта в кафе.

В рассказе Газданов подошел к своеобразной художественной трактовке проблемы реинкарнации. Одним из аспектов этой проблемы, является то, что на последующее воплощение человека влияют, в том числе, и устойчивые привычки, привязанности, интересы предыдущего воплощения. Отметим, что и в этом случае писатель не утяжеляет текст специальной буддийской терминологией, но привносит сам дух буддизма и создает таким образом эффект многомерности человеческого бытия.

Своеобразным доказательством того, что Газданов в этом рассказе действительно опирается на идею реинкарнации, занимающую важное место в восточных

религиозно-философских учениях, является и таинственная фраза — таинственная для самого рассказчика. Она всплывает как будто бы ниоткуда в ее французском звучании и поражает его воображение, поэтому в русском тексте рассказа Газданов приводит ее по-французски: «Mais ils ne sont de l'éternité que pour s'y perdre de nouveau» («Они пришли из вечности только для того, чтобы снова там потеряться»). Круговорот рождений, вечное возвращение, обретение разных форм существования — в этом глубинная философская подоплека рассказа.

Таким образом, обозначив некоторые буддийские образы, символы, идеи в произведениях Газданова, мы согласимся с мнением Л. Диенеша, что буддизм писателя является «частью умеренной эзотеричной философии» [8. С. 139], и добавим — присущей европейской интеллигенции, увлекавшейся восточными учениями, и соответствует общим представлениям о буддизме в западной культуре в середине XX в.

Сегодня все более приходит понимание того, что творчество Газданова отличается особая цельность — «цельность иного порядка — цельность человека современного, глобализирующегося мира, основанного на мультикультуральности или транскультуральности или скорее транскulturации. При этом значение творчества Газданова... не в последнюю очередь заключается именно в том, что оно само представляет собой глубокую рефлексию по поводу его собственного положения между различными культурами» [9. С. 221]. Его творчество развивалось на перекрестье осетинской, русской и европейской культур, которые он впитывал совершенно естественно. По мере обретения духовной зрелости в жизнь Газданова постепенно входила философия Востока и прежде всего буддизма. И это обстоятельство во многом определило мировоззренческую полноту и цельность его произведений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Агеносов В.В.* Литература русского зарубежья. М.: Терра, 1998. 543 с.
- [2] *Бзаров Р.С.* Осетинский культурно-исторический контекст детства и юности Гайто // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М., 2005. С. 189—198.
- [3] *Варшавский В.* Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья, 2010. 544 с.
- [4] *Газданов Г.* Бомбей // Собр. соч. в 5 т. Т. 2. М.: Эллис Лак, 2009.
- [5] *Газданов Г.* Возвращение Будды. Романы. М.: Эксмо, 2006. 640 с.
- [6] *Газданов Г.* Княжна Мэри // Собр. соч. в 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак 2009.
- [7] *Газданов Г.* О негласной иерархии в обществе и тенденциозности в литературе // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М.: Эллис Лак, 2005. С. 235—241.
- [8] *Диенеш Л.* Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ: Изд-во Североосетинского института гуманитарных исследований, 1995. 304 с.
- [9] *Кибальник С.А.* Транскультурная поэтика Гайто Газданова и писателей младшего поколения первой волны русской эмиграции // Литература русского зарубежья (1920—1940-е годы). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 219—226.
- [10] *Красавченко Т.Н.* Лермонтов, Газданов и своеобразие экзистенциализма русских младоэмигрантов // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 27—49.

- [11] Матвеева Ю.В. Восток и Запад в творчестве Гайто Газданова // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 16—26.
- [12] Ржевский Л. Памяти Г.И. Газданова // Дальние берега. Портреты писателей русской эмиграции. М.: Республика, 1994. С. 313—316.

BUDDHISTIC CONNOTATIONS IN THE WORKS BY G. GAZDANOV

G.A. Sorokina

Kutafin Moscow State Law University
Sadovaia Kudrinskaia str., 9, Moscow, Russia, 123001

The article analyzes the reception and interpretation of Buddhist ideas in the works by G. Gazdanov — one of the most famous writers of the young generation of Russian literature abroad. The main feature of Gazdanov's prose lies in the fact that Buddhist ideas and images are included in the context of Western culture of the XX-th century. Gazdanov applies to such Buddhist conceptions as ego, reincarnation, karma, illusory of the world and others. These conceptions are represented in a variety of interpretations. The author of the article considers Buddhist connotations of the works by Gazdanov in the context of his biography and underlines that his Buddhist ideas and images have philosophical, but not religious character. In Russia the works by Gazdanov became widely known only in the 1990-ies.

Key words: Gazdanov, emigration, Russian literature abroad, Buddhism, interpretation

REFERENCES

- [1] Agenosov V.V. *Literatura Russkogo zarubezhya* [Russian Literature Abroad]. М.: Terra, 1998, 543 p.
- [2] Bzarov R.S. Osetinskij kulturno-istoricheskij kontekst detstva i junosti Gaito Gazdanova. *Gaito Gazdanov i "nezamechenoe pokolenie": pisatel na peresechenii traditsij i kultur*. [Ossetic cultural and historical context of Gaito Gazdanov's childhood and youth. Gaito Gazdanov and the "unnoticed" generation: the writer in the crossing of traditions and cultures]. М.: Inion RAN, 2005, pp. 189—198.
- [3] Varshavskij V. *Nezamechenoe pokolenie* [The unnoticed generation]. М.: Dom Russkogo zarubezhya, 2010, 544 p.
- [4] Gazdanov G. Bombay. *Sobraniye sochinenij v 5 tt. T. 2.* [Bombay. The Complete Works in 5 v. V. 2]. М.: Ellis Lak, 2009, pp. 477—521.
- [5] Gazdanov G. *Vozvrashchenie Buddy. Romany* [The Return of Buddha. Novels]. М.: Eksmo, 2006, 640 p.
- [6] Gazdanov G. Knyazhna Mary // *Sobraniye sochinenij v 5 tt. T. 3.* [Princesse Mary]. The Complete Works in 5 v. V. 3]. М.: Ellis Lak, 2009, pp. 498—508.
- [7] Gazdanov G. O neglasnoj ierarhii v obschestve i tendentsioznosti v literature / *Gaito Gazdanov i "nezamechenoe pokolenie" pisatel na peresechenii traditsij i kultur*. [About unofficial hierarchy in the society and tendentiousness in literature. Gaito Gazdanov and the "unnoticed" generation: the writer in the crossing of traditions and cultures]. М.: Inion RAN, 2005, pp. 235—241.

- [8] Dienes L. *Gaito Gazdanov. Zhizn i tvorchestvo* [The Life and Work of Gaito Gazdanov]. Vladikavkaz: Izdatelstvo sev-osetinskogo instituta gumanitarnyh issledovanij, 1995, 304 p.
- [9] Kibalnik S.A. Transkulturnaya poetika Gaito Gazdanova i pisateli mladshego pokoleniya pervoj volny russkoj emigratsii. Literatyrа russkogo zarubezhya (1920—1940-e gody). [Transcultural poetics of Gaito Gazdanov and the writers of young generation of the first wave in Russian emigration. *Russian literature abroad (1920—1940)*. SPb.; Izdatelstvo SPBGU, 2008, pp. 219—226.
- [10] Krasavchenko T.N. Lermontov, Gazdanov i svojeobrazie existentsializma russkikh mladoemigrantov. *Gaito Gazdanov i “nezamechenoe pokolenie”: pisatel na peresechenii traditsij i kultur*. [Lermontov, Gazdanov and peculiarity of existentialist of young generation of Russian emigrants. Gaito Gazdanov and the “unnoticed” generation: the writer in the crossing of traditions and cultures.]. M.: Inion RAN, 2005, pp. 27—49.
- [11] Matveeva Y.V. Vostok i Zapad v tvorchestve Gaito Gazdanova. *Gaito Gazdanov i “nezamechenoe pokolenie”: pisatel na peresechenii traditsij i kultur*. [East and West in the works by G. Gazdanov. Gaito Gazdanov and the “unnoticed” generation: the writer in the crossing of traditions and cultures]. M.: Inion RAN, 2005, pp. 16—26.
- [12] Rzhnevsky L. Pamyati Gaito Gazdanova. *Dalnie berega. Portrety pisatelej russkoj emigratsii*. M.: Respublika, 1994. [In memory of G.I. Gazdanov. Farewell lands. The portraits of the writers of Russian emigration], pp. 313—316.